

Г.М. Старыгина

НАИМЕНОВАНИЕ ВИДОВ ВООРУЖЕНИЯ В ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТАХ XVII в.

Статья посвящена характеристике лексико-семантической группы слов, обозначающих разные виды оружия в памятниках деловой письменности XVII в. Анализ лексического материала строится на основе раскрытия семантики лексических единиц.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, номинативные единицы, лексическое значение.

NAMES OF VARIOUS WEAPONS IN OFFICIAL PAPERS OF THE XVII CENTURY

The article deals with description of lexico-semantic group of words, meaning various weapons in literary monuments of the XVII century. The analysis of the vocabulary is based on semantic study of lexical units.

Key words: lexico-semantic group, nominative units, lexical meaning.

Словарный состав деловых документов XVII в., собранных немецким историком Г.Ф. Миллером во время десятилетнего путешествия по Сибири, отражает историческую картину сложных взаимоотношений русских поселенцев с коренными народами края. Освоение новых земель происходило в условиях военных конфликтов, боевых действий, насильственного подчинения: «...да те ж татаровя крестьян бьют и увечат, и приезжают в пансырех с луками и со стрелами...» /2, № 437, с. 512/; «...приходили де под Кузнецкой острог войною киргизские люди и по гумнам де у них хлеб весь пожгли; и от той войны от киргиских людей розорены они до основания» /2, № 315, с. 407» [2].

В памятниках деловой письменности XVII в. военная лексика представлена несколькими лексико-семантическими группами слов: 1) наименования различных видов вооружения, боеприпасов и средств защиты: *рушница, саадак, куяк, пицаль, зелень, ледунки* и др.; 2) наименования военных должностных лиц: *воевода, пятидесятник, сотник, атаман, есаул, десятник* и др.; 3) наименования служилых людей по выполняемому ими роду занятий: *караульщик, стрелец, пушкарь, боец, гонец* и др.; 4) наименования военных действий, обозначенных отглагольными существительными: *осада, поход, вылазка, приступ, отъезд, посылки, рассылки* и др.; 5) наименования военных действий, обозначенных глаголами: *драться, воевать, проводывать* 'разведывать, узнавать', *побивать, сбираться, сойти* 'настигнуть, выследить', *разорить, сыскать, ударить* 'напасть', *приступать* 'атаковать, нападать', *стрелять, промышлять* 'вести боевые действия' и др.

Интересной с точки зрения семантического комментирования лексических единиц является группа терминов, обозначающих разные виды оружия: *огнестрельного* (санал, пицаль, рушница, пистоль, мушкет), *холодного* (нож, топор, плеть, кремль, сабля), *метательного и колющего* (лук со стрелами, рогатина, копьё, саадак 'лук со стрелами', ратовище копейное).

Иерархический характер структуры названной лексико-семантической группы определяется гиперо-гипонимическими отношениями входящих в ее состав номинативных единиц. В качестве наименований с родовым признаком выступают лексемы *оружье* и *ружье*. В текстах документов слово *оружье* функционирует только в собирательном значении как наименование любого вида оружия. Статус гиперонима *оружье* подтверждается частотностью его употребления. «А в Чюбаровской слободе у крестьян *оружья* никакова: пицалей и луков ни у ково нет» /2, № 265, с. 356/; «...и служивые де люди с половину их выходили на берег с *оружьем* и никово де не видали никаких людей» /2, № 306, с. 396/.

В контекстной дистрибуции с лексемами *зелье*, *наряд*, *свинец*, обозначающими огнестрельные боеприпасы, в лексическом значении слова оружие проявляется сема 'совокупность *огнестрельного* оружия'. «А на Чюбарове для всякой меры наряду и *оружья* ни пушешных запасов ни зелья ни свинцу нет» /2, № 276, с. 366/. Именно этот смысловой компонент активизируется при употреблении слова, начиная с конца XVI – начала XVII вв., дополняя тем самым его устоявшиеся лексико-семантические варианты значения: 1) 'орудие, инструмент, снасть'; 2) 'оружие нападения и защиты'. Как отмечает П.Я. Черных, общеславянское *оружье* известно с XI в. Но предполагаемое первоначальное значение ('ругань, бранное слово, поношение, глумление'; ср. глагол *ругать*) не засвидетельствовано памятниками письменности [8, с. 220]. В современном русском языке отмечается лексема *оружие*, которая сохранила только собирательное значение 'всякое средство, приспособленное, технически пригодное для нападения или защиты; вооружение' [5].

Слово *ружье* в памятниках письменности употребляется не только в собирательном значении, но и еще как наименование конкретной единицы оружия – огнестрельного. Появилось слово в начале XVII в. Как указывает В.К. Чичагов, в XVII в. между словами *ружье* и *оружие*, обозначающими 'оружие вообще', существовало стилистическое различие. *Ружье* употреблялось в 'низких стилях' письменности (в челобитных, приказной переписке), проникнув туда из живого разговорного языка. В официальных же документах и в печатных книгах использовалось *оружие*. Во второй половине XVII в. сфера употребления слова *ружье* в письменности расширяется [9, с. 294]. В текстах документов при многочисленных примерах употребления слова *оружье* в два раза реже встречается употребление слова *ружье*: «А для прибавки к служилым людям пожаловал бы ты, велел, государь прислать *ружья*, пицалей и зелья для крестьян или хто излучитца в острожке» /2, № 400, с. 482/; «А мы де с Тайтаном тем служивым человеком говорили и города ставить звали, потому что колмаки *ружья* боятца...» /2, № 306, с. 396/. В этих примерах *ружье* имеет собирательное значение 'оружие вообще', а в контексте «...в остроге, господине, отсады учинить нечем, в государеве казне *ружья* *ручного* нет» /2, № 377, с. 453/ в сочетании с определением *ручной* обозначает 'огнестрельное оружие с длинным стволом'. В процессе дальнейшего семантического развития слова, в XVIII в., произойдет сужение его значения, утратится признак собирательности. В современном русском языке *ружье* используется только как наименование конкретного вида оружия – огнестрельного. Его прежнее собирательное значение передается с помощью формы *ружья* как наименование множества только огнестрельного вида оружия. Семантическая интерпретация существительных *ружье* и *оружье* выявляет их синонимический характер. Общность понятийного компонента в собирательном значении 'оружие вообще', а также возможность взаимозаменяемости в контекстах позволяют рассматривать эти слова как синонимы.

Семантику наименований с родовым значением дополняет целый ряд гипонимов лексико-семантической группы, каждый из которых обозначает определенный вид оружия и имеет в понятийном компоненте различные дифференциальные семы. Например, *рушница* (*ручница*) – это 'ручное огнестрельное оружие с фитильным замком'. В качестве идеографических синонимов по

отношению к *рушнице* выступают лексемы *санапал* (*самопал*) – ‘ручное огнестрельное оружие с кремневоударным замком’ и французское заимствование *пистоль*, обозначающее ‘ручное огнестрельное оружие для стрельбы на коротких расстояниях’. Еще одно заимствование – немецко-французское слово *мушкет* – ‘фитильное ружье’ выступает синонимом-дублетом лексической единицы *рушница*. В текстах памятников наименования *мушкет* и *пистоль* представлены единичными примерами, что объясняется их более поздним заимствованием. Приведем примеры: «...говорил де Аккана, что русские люди все пропадут, а *самопалы* замкнут, стрелять не учнут в снежное время» /2, № 276, с. 366/; «А у которых крестьян архиепископли слободы есть *пистолы* и приезжают к тебе в слободу, и ты для осады зелья и свинцу дал же» /2, № 339, с. 420/; / «А на Верхотурье твоего государева *ружья* нет, всего 4 *пищали* затинных да 17 *мушкетов* и у тех замки перепорчены и поделать некому...» /2, № 436, с. 511/.

В двух лексико-семантических вариантах значения функционирует в анализируемых деловых документах существительное *пищаль* в сочетании с определениями *ручная*, *малая*: «...велел де контайша бити челом тебе государю, чтоб ты государь пожаловал ево контайшу, велел к нему прислати пансырь доброй, да *пищаль* *ручную*, да свинцу...» /2, № 382, с. 456/ или «И на Верхотурье, государь, в твоей государеве казне *затинных* и *малых* *пищалей* нет...» /2, № 43, с. 185/.

Терминологическое словосочетание *затинная пищаль*, как и *девятнадцатая пищаль*, указывает на другой лексико-семантический вариант значения слова – *пищаль* как артиллерийское орудие, пушка: «А для, государь, приходу воинских людей на воротах надобе *по* *пищали* по две *затинных*...» /2, № 281, с. 372/; «Да с Пелыми взяти у князя Петра Горчакова *пищаль* *девятнадцатая*, а к ней 200 ядер» /1, № 13, с. 360/. Первоначально слово *пищаль* обозначало ‘дудку’, ‘свирель’ и было образовано от древнерусского глагола *пищати* – не только ‘издавать писк’, но и ‘трещать’. Как название огнестрельного оружия (пушки и ружья) стало известно с начала XVI в. В петровское время это слово в качестве военного термина выходит из употребления, но, по словам Даля, «местами (сев., вост.) и поныне охотничье ружье, винтовка, малопульное, сибирка» называется *пищалью* [1].

Общеславянские названия орудий производства, употреблявшихся при резании, рубке, долблении, – *нож* и *топор* – обозначают в текстах источника ‘холодное оружие’. «И увиде его татары почели стрелять из луков, а он Коян, скоча с теми людьми, которые с ним пришли человек с 20-ть, почали *ножами* резать...» /2, № 277, с. 367/. Общий контекстный фон, организованный глаголами, указывающими на действия субъектов (увиде, стрелять, скоча, пришли, почали), позволяет говорить, что глагол *резать* – ‘разделять на части чем-либо острым’ в сочетании с существительным *ножами* – обозначает насильственное по отношению к субъекту действие, производимое с помощью холодного орудия – ножа.

Контекста, иллюстрирующего использование слова *топор* в качестве боевого оружия, в памятниках письменности нами не обнаружено. Однако ввести лексему с таким значением в состав анализируемой лексико-семантической группы позволяет следующий пример: «А того есте смотрели и берегли накрепко, чтоб *заповедным* *товаром* *доспехи*, и *пансыри*, и *саблями*, и *ножи* и *топоры*...не торговали» /2, № 4, с. 150/. «Заповедным товаром» в XVII в. назывались запрещенные для продажи предметы, в том числе и разные виды оружия, средства защиты. Включенность слова *топор* в однородный ряд единиц, обозначающих ‘заповедный товар’, говорит о скрытом присутствии в структуре значения лексемы смыслового компонента ‘холодное оружие’. В словарях современного русского языка *топор* определяется как ‘орудие, инструмент для рубки’. Семантический вариант ‘старинное боевое оружие’ отмечается в качестве дополнительного

оттенка его значения [4]. Лексема *нож* в современном русском языке утратила семантический компонент ‘холодное оружие’ и фиксируется только со значением ‘инструмент для резания’ [4].

В качестве орудий обороны и нападения во время военных действий использовались *кремль* и *рогатина*: «По нашему указу велели есмь взяти с соленого промыслу 100 человек ратных людей с рушницами, и с луки, с *кремли* и с *рогатинами*...» /1, № 10, с. 345/. В «Словаре русского языка XI-XVII вв.» *кремль* рассматривается как однозначная единица, обозначающая ‘дерево с плотной, смолистой древесиной’. Дополнительный оттенок значения ‘дубинка из дерева’ оформляется под вопросительным знаком, что указывает на сомнение авторов словаря в его точности [3, в.8, с. 29]. В текстах документов употребление лексемы *кремль* зафиксировано дважды. Приведенный выше контекст характеризует семантическую соотнесенность слова *кремль* со словами, обозначающими предметы для ведения боя: *рушница*, *лук*, *рогатина*. В синтаксической конструкции *кремль* функционирует в ряду однородных дополнений, объединенных архисемой значения ‘оружие’. Кроме того, уточняет его смысловой статус и непосредственная сочинительная связь с лексемой *рогатина*, которая имеет значение ‘копье (предположительно из дерева) с длинным и широким обоюдоострым наконечником, применявшееся как боевое и охотничье оружие’ [3, в. 22, с. 176]. Эти наблюдения позволяют говорить о существовании в значении *кремль* семы ‘деревянное оружие’ и рассматривать этот смысловой компонент как самостоятельный лексико-семантический вариант значения слова.

Если слово *рогатина* представлено в текстах единичным рассматриваемым примером и в другом значении ‘род ручного огнеметательного устройства’ не зафиксировано, то слово *кремль* используется еще и в качестве собственного наименования городской крепости Москвы: «...и он де Бесчастной служил под Москвою в полках да его же де взяли литовские люди в полон в *Кремль* ранена и пытали накрепко, а из *Кремля* у литовских людей взят он на обмену, дали за него трех литвинов» /2, № 465, с. 530/. В «Словаре русского языка XI-XVII вв.» *кремль* – ‘внутренняя городская крепость’ оформляется отдельной словарной статьей в качестве омонима к слову, обозначающему ‘дерево с плотной, смолистой древесиной’.

Существуют разные мнения ученых относительно происхождения слова *кремль*. Например, П.Я. Черных отмечает, что *кремль* в памятниках древнерусской письменности появляется поздно, впервые – в «Геннадиевой (новгородской) Библии» 1499 г., исследователь связывает корневую часть этого слова с *крома* – ‘граница, край’ [8, с. 85]. Н.М. Шанский в качестве этимона собственно русского *кремль* рассматривает существительное *кремь* – ‘крепость внутри города, стена, ограждающая город’. Это слово сохранилось в диалектах: *кремь* – ‘часть засеки, где растет лучший лес’, *кремлевый* – ‘выросший на просторе, крепкий’. «Этимологически, – пишет Н.М. Шанский, – *кремь* связано с *крома* – ‘кромка, край, граница’. Следовательно, первоначальное значение *кремль* – ‘огороженное место’» [10, с. 219]. М. Фасмер указывает, что *кремль* в значении ‘крепость внутри города’ происходит от древнерусского *кремль*, зафиксированного в «Первой Софийской летописи» 1445 г. Сюда же относится *кремь* – ‘часть засеки, где растет лучший лес’, отсюда *кремлевый* – ‘крепкий, прочный (о строительном лесе)’ [6, т. 2, с. 371].

Анализируемые нами памятники не проясняют этимологический статус слова, но позволяют говорить об общности семантики двух лексико-семантических вариантов его значения: *кремль* как крепостная стена *из дерева* и *кремль* как орудие *из дерева*. В текстах документов оба слова функционируют как омонимы.

К орудиям производства, как свидетельствует корень, первоначально относилось и слово *копье*, образованное от *копати* – ‘бить, ударять’ с помощью суффикса - ъжъ. *Копье* – буквально ‘то,

чем бьют, ударяют' [10, с. 211]. В текстах памятников слово обозначает 'колющее или метательное оружие на длинном древке': «видели де они в степи калматцких людей по смете человек за 200, у всякого колмака по 2 *копья*, а у иных де и по 3» /2, № 451, с. 522/. Поскольку в семантике лексической единицы присутствуют смысловые компоненты, указывающие на разные способы применения этого вида оружия: колоть и метать, то существительное *копье* может входить в состав двух лексико-семантических подгрупп, объединяющих названия как колющего, так и метательного орудий.

Идеографическими синонимами слова *копье* выступают существительное *рогатина* 'копье с острым наконечником' и атрибутивное словосочетание *ратовища копейные*, отмеченное в памятниках единичным примером в значении 'древко копья': «и к его юртам приезжали воинские люди по смете человек с 9, *ратовища копейные* пометали» /2, № 312, с. 402/. Глагол *пометати*, который управляет в синтаксической конструкции указанным словосочетанием, образован от глагола метати и имеет в составе лексического значения семы 'кидать, бросать'. В контексте есть указание на то, что действие совершали воинские люди. Это позволяет рассматривать номинативную единицу *ратовища копейные* как метательное оружие, при помощи которого совершаются военные насильственные действия.

Несколькими примерами употребления в текстах документов проиллюстрировано существительное *плеть*. Словарная дефиниция не содержит указания на тематическую принадлежность этой лексической единицы к видам оружия. *Плеть* определяется как 'кнут из мелко перевитых ремней, веревок'. Однако, по свидетельствам историков, этот предмет быта использовался представителями тюркских народов как приспособление для нападения или защиты. Рассмотрим пример: «и у Тохлубайка Уруслан две стрелы да *плеть*, а Тохлубайку де Уруслан дал свою *плеть* и его отпустил» /2, № 196, с. 293/. Приведенный контекст также не свидетельствует о наличии в структуре значения рассматриваемого слова семы 'вид оружия'. Но его контекстная позиция, характеризующаяся соседством с другим наименованием оружия *стрела*, позволяет допустить существование скрытого пассивного смыслового компонента 'орудие нападения', не актуализированного в данном отрывке. Высказанное предположение подтверждается следующим примером: «Да того ж дни приехал с Тюмени плотник Тренка Оксенов, а сказал: как де он ехал на Тюмень в санях, и встретил на дороге дву татаринов и ево излаяли по руски матерным, и учили говорить: ужо де головы посечом всех русских мужиков, а *плетью* по саням *стегают* по Тренькиным» /2, № 276, с. 366/. Из контекста следует, что *плеть* в сочетании с глаголом *стегать*, т.е. 'бить, ударять чем-либо гнущимся, тонким; хлестать', действительно применялась в качестве орудия для совершения грубых, насильственных действий. Поскольку оружие определяется как 'всякое средство, приспособленное, технически пригодное для нападения или защиты', то правомерно включить лексему *плеть* в состав характеризуемой лексико-семантической группы «Наименования разного вида оружия».

Общеславянское *лук* функционирует в памятниках деловой письменности со значением 'оружье для метания стрел в виде дуги, стянутой тетивой': «...и те де Мачиковы мужики с теми служивыми людьми учили дратца, из *луков* стрелять» /2, № 409, с. 487/; «И тут, господине, на поимке ранили пятидесятника Гришку Семенова: из *лука* проббили руку левую...» /2, № 277, с. 368/. При обозначении численности войска у лексемы *лук* отмечается метонимически переносное значение 'воин, вооруженный луком.' Проявляется это значение и в словосочетании *лук* + отглагольное существительное *скоп*, образованное от скопиться 'скапливаться': «...а на Ояте, у озера, есть собралось *луков* з 200 вогулич, а дожидаютьца к себе Тулубая...» или «...на Ояте озере

есть *скоп луков* з 200, а Тулубая де есть *луков* за 500» /2, № 228, с. 321/. Синонимически тождественным слову *лук* является в текстах памятников лексема *саадак* – ‘лук со стрелами’.

Полисемантическое *саадак* интересно тем, что в ряде контекстов у него наблюдается синкретизм значений, преодолеть который помогают разного рода логико-семантические отношения между лексическими единицами: родо-видовые, синонимические, антонимические и др. «Словарь русского языка XVI-XVII вв.» предоставляет информацию о том, что тюркское заимствование *саадак* имело в рассматриваемый период три значения: 1) ‘лук с налучьем и колчан со стрелами; крепившиеся к специальному поясу’; 2) ‘чехол для лука’ (налучье); 3) ‘колчан’, т. е. слово могло обозначать и оружие, и футляр для него. «А выбрав у себя голову добра да с ним охочих казаков, сколько приборетца, со всяким *оружьем*, с *рушницами* и с *саадаки* велели прибрать» /1, № 4, с. 338/. В приведенном отрывке неясно, о каком из указанных лексико-семантических вариантах значения слова идет речь. Дифференцировать значения лексемы помогает присутствие в контексте гиперонима группы *оружье* и гипонима *рушница*. Наличие между единицами гиперо-гипонимических отношений позволяет установить, что семантический вариант «лук с налучьем» больше отражает связь с единым общепонятным стержнем ряда «оружие разного рода», чем другой лексико-семантический компонент существительного *саадак*. Указанной лексеме семантически соответствуют ее лексико-фонетические варианты: *сайдак* и *сандак*. *Сандак* отмечаем в следующем примере: «...а около де огню лежат человек с 20-ть да лошадей де ходит с 20-ть же и больше оседланы, а на седлах на всех *сандаки*» /2, № 34, с. 179/. Контекстный фон в данном случае не позволяет точно интерпретировать лексическое значение слова, речь может идти как об оружии, так и о футлярах для него. Лексико-фонетический вариант *сайдак* в условиях дистрибуции со словом *сабли* как одного из видов оружия обозначает прибор вооружения – ‘лук и стрелы’: «...тот татарин говорил де им: у вас де лошади и *сайдаки* и *сабли* готовы ли, а у них де у тюменских все готово» /2, № 80, с. 209/. Это же значение проявляется в контексте: «...и оне де Агучак и Девлеткилдей *сайдаков* не отдали, и отошли де от них Тоболом рекою подле яр стреляючись» /2, № 307, с. 398/. Семантику анализируемого существительного конкретизирует разговорная форма деепричастия *стреляючись*: отступали, отстреливаясь с помощью лука и стрел.

Лексема *стрела* характеризуется значением ‘тонкий стержень с заостренным концом или острым наконечником’. Его смысловая структура включает несколько сем: ‘предмет для стрельбы из лука’, ‘тонкий стержень’, ‘тонкий стержень с заостренным концом или острым наконечником’. Показательным для последних перечисленных сем может быть следующий контекст: «...и на тех де станех те вагуличи и тотарове *стружут стрелы* и желееца стрельные делают сами» /2, № 228, с. 321/. Глагольное словосочетание *стружут стрелы*, обозначающее действие, направленное на объект, семантически соотносится с семой существительного ‘тонкий стержень с острым концом’: стружут – стругают, снимают слои с поверхности чего-нибудь режущим инструментом, т.е. делают предмет тонким, острым.

Обращает на себя внимание в контексте слово *желееца* – лексико-фонетический вариант железце – ‘небольшой железной пластинки с заостренным лезвием на конце’. В сочетании с определением *стрельный железце* обозначает ‘железный наконечник стрелы’ [3, в.5, с. 83]. Семантический компонент ‘предмет для стрельбы из лука’ отчетливо реализуется в отрывке: «...видели де они ездит мимо Чубаровскую слободу татарин Максимко Лязга с одною *стрелою* без лука, а *стрела* широкая; да и наперед де тово летом видали татар, ездят с одною *стрелою* без лука» /2, № 276, с. 366/. Однако смысловой объем лексемы *стрела* не ограничивается

проиллюстрированным набором сем. В памятниках письменности встретился пример, позволяющий выявить в структуре ее значения еще один дифференциальный смысл, реализующийся в условиях контекстной дистрибуции с глаголом *стрелять*: *стрела* не просто предмет для стрельбы из лука, а *стрела* как разновидность оружия: «...и тех служивых людей *стреляли* на переднем судне и как де мы пришли своим судном к тому переднему судну, и я де видел *стрел* с 20 в дощенике торчат» /2, № 306, с. 396/. Дистантная контекстная позиция слов *стреляли* и *стрелы* только актуализирует общее смысловое восприятие отрывка: стреляли именно из стрел. Репрезентированная сема позволяет рассматривать лексическую единицу *стрела* в составе анализируемой лексико-семантической группы слов.

Анализируемые памятники деловой письменности позволяют установить, что основу группы составляют общеславянские и восточнославянские по происхождению слова: *лук*, *копье*, *оружье*, *стрела*, *пищаль*, *рушница*. Иноязычные заимствования представлены немногочисленными примерами: *саадак*, *мушкет*, *пистоль*. Пополнение состава военной лексики в XVII в. происходило за счет привлечения наименований, обозначающих орудия труда или средства производства. Памятники письменности XVII в. подтверждают эту общую тенденцию, демонстрируя в качестве наименований холодного боевого оружия предметы быта: *нож*, *топор*, *плеть*. Полисемантизм лексических единиц, – например, *саадак* – вызывает в некоторых контекстах синкретизм семантических вариантов их значений. В качестве критерия разграничения вариантов используется синтагматическое окружение слов, влияющее на значение рассматриваемой лексической единицы.

В современном русском литературном языке единицы: *оружие*, *копье*, *лук со стрелами*, *сабля* – продолжают функционировать в своих «военных» значениях. Сужение объема лексического значения наблюдается у единиц *ружье* (утрата собирательного значения), *кремль* (утрата значения 'вид оружия'). Существительные *саадак*, *самопал* рассматриваются в лексикографических изданиях как историзмы, а значение лексической единицы *пистоль* помещается с пометой 'устаревшее'. Лексические единицы *рушница*, *ратовище* вышли из употребления и неизвестны носителям современного русского литературного языка.

Наименования различных видов оружия, боеприпасов, средств защиты, представленные в деловых текстах, отражают общие особенности процесса формирования военной терминологии, начавшегося в конце XVI в. в словарном составе русского языка: 1) основу русской военной лексики составляют исконно русские слова: например, *ружье*, *рушница*, *самопал*, *плеть*, *кремль* и др.; 2) пополнение военной лексики происходит: а) путем образования новых слов с помощью русских словообразовательных средств на базе лексем, уже существовавших в языке, – например, *рогатина*, *стрельбище* и др.; б) путем изменения (расширения или сужения) значений слов: *оружие* и др.; 3) в XVII в. только начинается процесс обогащения военной лексики путем усвоения слов иноязычного происхождения: *пистоль*, *мушкет*, *саадак*; 4) наблюдается активное формирование военной фразеологии и наличие разветвленной синонимии.

Таким образом, памятники деловой письменности XVII в. содержат богатейший материал, показывающий, что именно в этот период закладывался фундамент для развития русской военной лексики и фразеологии последующих эпох.

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1-4. – СПб., 1880-1882.; М., 1955.

2. Миллер, Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1939, 1941. В 2 т. (далее в скобках указывается /№ тома, № документа, стр./).

3. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-26 / под ред. Г.А. Богатовой. – М.: Наука, 1975-2002.

4. Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. – Изд. 4-е. – М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.
5. Толковый словарь русского языка. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1935-1940. – Т. 1-4.
6. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. – Т. 1-4 / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева – М., 1964-1973.
7. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. – Изд. 2-е. – М.: Русский язык, 1994. – Т. 1-2.
8. Черных, П.Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. – М.: Изд-во МГУ, 1956.
9. Чичагов, В.К. О некоторых вопросах истории русского языка в связи с историей слова «ружье» // Ученые записки. Русский язык. – М.: Изд-во МГУ, 1952. – Вып. 150.
10. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка. – М.: Просвещение, 1972.